

ляющий собой сводный устав Троице-Сергиева и Кириллова монастырей и объясняющий бытование стиха в этих монастырях».²⁰

В нем описан чин прощения монахов в неделю сыропустную после вечерни в Троице-Сергиевом монастыре, когда архимандрит обносит братию «по два ковша меду, а барнов ковш, да паточного ковш», в то время как «крылошаня стоят поют стихи».²¹ Н. Финдейзен отмечает, что «стих-старина за пивом» в рукописи Кирилло-Белозерского монастыря помечен на листе 318 «вверху стихиры сыропустной недели».²² Отсюда делается естественный вывод: «Таким образом, обозначение „Плача Адама“ в Кирилло-Белозерском сборнике в качестве „стиха-старины за пивом“ понятно: этот стих (на 6-й глас) певчие исполняли в старину в монастырях во время раздачи братии пива или меда... Из бытовой монастырской практики этот „покаянный стих“ распространился в домашний обиход как духовенства, так и мирян».²³

Итак, мы можем сказать, что в XV—XVI вв. «Плач Адама» носил характер внеслужебный, но связанный с уставным бытом Кирилло-Белозерского и Троице-Сергиева монастырей и его пение было приурочено к сыропустной неделе.

Небезынтересно отметить, что обычай пения «Плача Адамова» в сыропустную неделю получил отражение в художественной литературе нового времени. В пьесе А. М. Ремизова «Бесовское действо», поставленной впервые в 1907 г., иноки, выходящие из трапезной, в «Прощеное воскресенье», поют пространный вариант этого «Плача», заимствованный автором пьесы у П. Бессонова.²⁴

Привлеченная Н. Финдейзенем рукопись, описывающая чин прощения в сыропустную неделю в Троице-Сергиевом монастыре и написанная приблизительно в одно время с нашей иконой, имеет для нас особое значение. Среди известных нам дверей в жертвенник, близких по сюжетному составу к рассматриваемому произведению, нет ни одной, где в качестве комментария к сцене плача Адама и Евы был бы написан этот духовный стих.²⁵

Вряд ли случайным можно считать его появление на иконе, найденной в селе Семеновском, неподалеку от Троице-Сергиева монастыря, входившем в начале XVII в. в состав Радонежского стана.²⁶ Именно в непосредственной близости от монастыря, где имелся отмеченный в рукописи конца XVI в. обычай пения «Плача», его текст появляется в конце XVI—начале XVII в. на иконе. Очевидно, художник был каким-то образом связан с Троице-Сергиевым монастырем и хорошо знал его традиции.

Пытаясь раскрыть замысел художника, написавшего на иконе текст «Плача», мы должны помнить, что речь идет не только об «изображен-

²⁰ Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России, т. 1, вып. 1, стр. 260 (По рукописи Московской Синодальной библиотеки № 400, лл. 190, 191 об.).

²¹ Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России, т. 1, вып. 1, стр. 260

²² Там же, стр. 260.

²³ Там же.

²⁴ А. М. Ремизов. Рассказы. СПб., 1910, стр. 215, 221—222, 252. Возможно что знанием такой детали древнего монастырского устава А. М. Ремизов обязан знатоку русской старины И. А. Рязановскому.

²⁵ Близкие по сюжету изображения на дверях в жертвенник имеются в собраниях Государственной Третьяковской галереи (№ 2867/4) XVII в., Рогожского старообрядческого кладбища XVII в., Покровской церкви в Кижях XVII—XVIII вв., на двух иконах Переяславль-Залесского музея — XVII в. и начала XVIII в., на иконе в старообрядческой молельной в с. Тискады Резекненского района Латвийской ССР — XVIII в.

²⁶ В. и Г. Холмогоровы. Исторические материалы о церквях и селах XV—XVIII столетия, вып. 4. М., 1885, стр. 79.